

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

И. А. Мухин

ОРУДИЯ ЛОВА ФАЗАНА В МАНЬЧЖУРИИ¹

Солнце стояло в зените. Пронизывающий ветер переметал по полю языки желтой пыли вперемежку с грязным снегом. Промерзшая пашня давно уже покрылась рваными трещинами и иссушенная почва пылила.

Со стороны прилегающих к пашне дубняков, согнувшись, шел старик. Опушенная длинным собачьим мехом войлочная шапка, синяя поношенная куртка, латанные штаны и затасканные улы из свиной кожи выдавали в нем крестьянина-китайца с ближайшего хутора. Было видно, как временами он забирался в кромку зарослей и, присев на корточки, негнущимися пальцами выпутывал из петли замерзшего фазана. Дольше, чем обычно, ему пришлось задержаться у не успевшего еще задохнуться яркогоперого петуха. Короткая петля на шее мешала птице взлететь, и вслед за рывком вверх она с шумом ударялась о землю. Наконец, китаец схватил фазана за голову, подтянул к себе и привычным движением свернул ему шейные позвонки. Не торопясь, он вынул птицу из петли и подвязал на удавку к общей связке. Затем старик долго дышал на замерзшие пальцы, усиленно тер руки и только после этого оправил петлю, преградив ею узкий проход среди густого кустарника. С трудом выпрямившись, старик, кряхтя, поднял связку фазанов и двинулся дальше.

Таков был один из основных способов добычи фазана в Маньчжурии в 1920—1930-х гг. Обычно после уборки урожая и его обмолота, уже с наступлением зимних холодов, все физически здоровые и работоспособные мужчины уходили из деревни на отхожие промыслы. При наличии лошадей крестьяне-китайцы занимались перевозкой грузов, вывозили лес из тайги. Безлошадные шли лесорубами на лесные концессии или рабочими на стройки. Тысячи же крестьян, в основном старики, управившись с утра пораньше со своим немудреным хозяйством, занимались кустарными промыслами или охотой. Они ежедневно обходили расставленные в ближайших угодьях петли и настороженные ловушки. Вылавливалось все, что попадалось в эту примитивную снасть.

К добыче фазанов приступали поздней осенью. В примыкающих к пашням зарослях орешника или дубняка вырубалась длинная просека около метра шириной. Она тянулась вдоль кромки пашни, отступя от нее метров на пять — десять. Чем длиннее бывала просека, тем добычливее мог быть лов. Вырубленный кустарник укладывался вдоль просе-

¹ Автор, инженер по специальности, долгие годы жил и работал в Северо-Восточном Китае и попутно занимался изучением фауны и флоры страны. Публикуемый материал может представить интерес как для тех, кто занимается сравнительным изучением орудий охоты, так и для этнографов-китаеведов.

ки и со стороны пашни образовывал непроходимый для птиц завал. Через каждые полтора-два десятка метров между просекой и пашней делались искусственные проходы, в которых и устанавливались петли. На их изготовление шел любой подручный эластичный материал: отожженная проволока, крепкая бичева из лыка, конский волос, тонкая пеньковая веревка. Один конец ее привязывался к упругой толстой ветке, а второй, образуя петлю, настораживался с таким расчетом, чтобы нижняя часть ее располагалась на высоте 5—7 см над землей.

Высокая продуктивность ловли фазанов подобной, казалось бы примитивной, снастью обуславливалась прекрасным знанием повадок этой

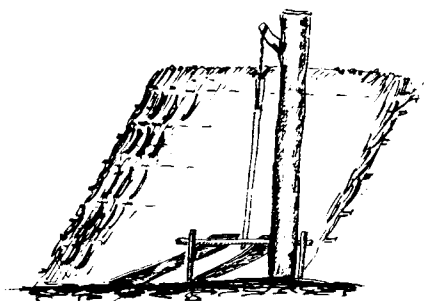

Рис. 1. Вид ловушки со стороны «насторожки» (плетеный щит показан условно). Рисунок автора

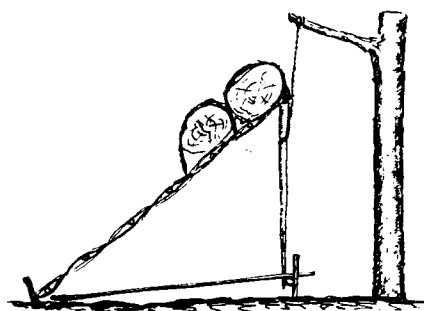

Рис. 2. Вид ловушки сбоку. Рисунок автора

птицы. Дело в том, что фазан поднимается на крыло только в крайних случаях: когда его застает врасплох четвероногий хищник или когда птица оказывается зажатой между врагом и каким-либо препятствием. В обычных же случаях фазаны предпочитают передвигаться по земле. С наступлением холодов фазан дважды в сутки выбегает в поисках кормов на пашни, чаще всего на соевые поля, где легко найти осыпавшиеся ярко-желтые зерна, оставшиеся после уборки урожая.

Пробираясь на кормежку, фазан сначала шел меж густого кустарника, где только что спал под пологом растительности. Выйдя на просеку и встретив завал, птица меняла направление и, чтобы найти более легкий выход, шла вдоль расчищенной полосы. Увидев первый же попавшийся просвет, фазан, как правило, нырял в искусственный проход и в большинстве случаев оказывался в петле.

Там, где пашни располагались далеко от кустарниковых зарослей или умеренных лесов², фазанов добывали различными самодельными ловушками-давилками. Ловушки обычно устанавливались на солнцепеках, где собирались кормящиеся птицы.

В качестве приманки использовались крупные, яркие, бросающиеся издали в глаза семена сои или кукурузы. Для увеличения продуктивности лова китайцы обычно устраивали из семян своеобразные узкие дорожки, ведущие к ловушкам.

Наиболее распространены были настораживаемые щиты-давилки. Сам щит квадратный, площадью немногим более 1 или 1,5 м² плели из веток. Чаще всего использовались ивовые прутья. Плетеный щит устанавливали на пашне под углом 45° и удерживали в таком положении сторожком, подвязанным на веревочке к вбитому в почву колу. Горизонтальный прут, прижатый силой тяжести щита к двум вертикальным колышкам, удерживал второй конец сторожка невысоко над землей. На прутике помещали пару планок-язычков, а между ними насыпали зерно —

² Урема — древесно-кустарниковый лес, тянущийся вдоль поймы реки.

приманку. Чтобы щит стал тяжелее, ловушка срабатывала быстрее и была наверняка, сверху клали дополнительный груз.

Подошедшая к ловушке птица, увидев зерно, ныряла под щит и, собирая разбросанную приманку, непременно наступала на один из язычков. Своей тяжестью фазан сдвигал к земле горизонтальную палочку, и освободившийся щит с грохотом давил птицу.

Раз в сутки добытчик вынимал раздавленных фазанов, вновь настраивал ловушки и уже в фанзе придавая птице товарный вид. Он приводил в порядок оперение, наносил несколько уколов остро заточенным гвоздем или шилом так, чтобы снаружи появилась оттаявшая кровь (дичь-то должна быть добыта только огнестрельным оружием!), и даже вкладывал под кожу отдельные дробинки. В случае же если тушка оставалась плоской, делался новый прокол в области брюшка и через соломинку тушка надувалась воздухом. Так вновь замороженный фазан приобретал товарный вид. Подобная операция проводилась и с зайцами, распушенными давилками, предназначенными для их ловли.

В открытых безлесных районах Маньчжурии фазанов добывали самозахлопывающимися деревянными дужками и металлическими капканами. Однако этот способ не нашел массового применения по многим причинам. Во-первых, он требовал относительно больших затрат времени и средств на изготовление или покупку орудий лова; во-вторых, самозахлопывающиеся дужки часто перебивали птицам ноги, а металлические — и шею, что обесценивало продукцию. В-третьих попавшая в подобные капканы птица некоторое время лежала совершенно открытой и становилась легкой добычей четвероногих и пернатых хищников. И наконец, значительную часть капканов вместе с добычей утаскивали хищники.

Довольно широко практиковался лов фазанов с помощью опьяняющей приманки. Обычно с выпадением устойчивого снежного покрова и наступлением зимней бескормицы птицы тяготели к выдуваемым участкам пашни и начинали посещать тока. Китайские крестьяне при малоземельном хозяйстве во избежание потерь стремились как можно быстрее собрать урожай и свезти его поближе к своему жилью. Неомолодченную культуру укладывали в единый омет зерном вовнутрь и укрывали соломой. Тут же, на площадке, перед домом крестьянина проходил и ручной обмолот зерна. Тока всегда привлекали голодную малопуганую птицу, и обычно ранним утром фазаны бегали в поисках корма у самых фанз. Используя это, китайцы разбрасывали у тока замоченные в ханшине³ зерна или бобы сои. Нахватавшись хмельной пищи, фазаны засыпали безмятежным сном в близрастущих кустарниках. И тогда крестьянин, вооружившись увесистой палкой, собирал потерявших всякую осторожность птиц. Кроме того, в надежде на даровую добычу, хуторяне опутывали силками примыкающие к фанзе заросли кустарников. И очень часто, вспугнутые внезапным появлением человека, фазаны запутывались в этой примитивной снасти. Тут же, у тока, прямо из фанзы, фазанов убивали самодельными ружьями-чупазами.

Об использовании огнестрельного оружия пришлым китайским населением следует сказать особо. Дело в том, что в связи с постройкой КВЖД в Маньчжурию в 1900-х годах хлынула переселенческая волна из густонаселенных районов собственно Китая, состоявшая в основном из безземельных крестьян и батраков. Эта группа китайского населения никогда не занималась охотой и не имела навыков стрельбы из огнестрельного оружия. Да, собственно, ей негде и нечем было стрелять дичь. Вся жизнь переселенцев на родине была связана с вечными поис-

³ Ханшин — крепкая, 60-градусная водка из зерен местного вида сорго — гаоляна.

ками работы или обработкой своего клочка земли. И поэтому китайских переселенцев, обосновавшихся небольшими деревушками или мелкими хуторами, привлекала прежде всего дешево арендуемая земля. Тайга выжигалась, раскорчевывалась и превращалась в квадраты полей; на глазах менялся окружающий пейзаж, и вскоре некогда девственные, малохоженные лесные массивы сменились обширнейшими пашнями. Низкие закупочные цены, налоги, поборы и вечный спутник китайского крестьянина — бедность, полностью сосредоточивали его внимание и помыслы на земле, расширении посевов; о приобретении дорогостоящего охотничьего оружия нечего было и думать. Кроме того, оккупировав Манчжурию, японские власти запретили китайцам иметь огнестрельное оружие; за его хранение полагались суровые наказания. По этим причинам охота с огнестрельным оружием не нашла применения среди китайской части населения Маньчжурии.

И тем не менее владельцы отдельных хуторов, в основном в целях самообороны от мелких хунхузских шаек, грабивших население, и охраны урожая от кабаньих стад, вынуждены были заниматься кустарным изготовлением ружей-самоделок, прозванных чупазами (отсюда и родилось название охотников с таким ружьем — чупазники). Чупазы были чрезвычайно примитивны: длинный ствол из водопроводной трубы, привязанный проволокой к прикладу, огромный боек с наружным пистоном или палкой для закладывания спичечных головок (в качестве средства, воспламеняющего заряд). Оружие часто отказывало, и выстрел был затяжным. Стволы нередко разрывались и калечили людей.

Заряжались чупазы прямо со ствола. Первоначально на глазок из пригоршни засыпался черный порох — тот самый, который мешками продавался на базарах и шел на изготовление праздничных хлопушек и ракет. Затем забивали пыж из подручного материала: пакли, мятой травы или старой ветоши. Впрочем, многие чупазники обходились без пыжа и «дробь» засыпалась прямо сверху. «Дробью» служили и резаная на кусочки проволока, и рубленые гвозди, и камешки, и мелкие железки. Как исключение употреблялась чугунная дробь. Это были отходы мелкого кустарного чугунолитейного производства, самой немислимой формы с подтеками и хвостиками. Неудивительно, что убойная сила выстрела при подобном заряде была чрезвычайно слабой. Тем не менее заряженные чупазы тщательно хранились в потайных местах на отдаленных хуторах.

Охота с чупазами происходила прямо из фанз. Рано утром, пока в котле варилась на завтрак чумиза, а проголодавшиеся за ночь фазаны выходили из распадков и бегали у гумна, китайский крестьянин просовывал конец ствола в отверстие, сделанное в бумажной промасленной обклейке окна, и застывал в ожидании момента, когда соберутся в кучу несколько птиц. После громоподобного выстрела распахивалась дощатая дверь и на мороз выскакивало чуть не все население фанзы ловить подранков.

Применялся и старинный маньчжурский способ добычи фазанов с помощью ловчих птиц. Этот вид охоты был доступен лишь более зажиточным людям. Охотой с ловчими ястребами-тетеревиатниками занимались в основном маньчжуры. Эта охота довольно добычлива, так как ястребы берут фазанов не только на лету, в угон, но и на земле. Кроме того, ястребы более выносливы, чем соколы, легче вынашиваются, более вертки, настойчивы и прекрасно работают среди древесно-кустарниковой растительности, где предпочитают держаться фазаны. Во время охоты с ловчими птицами фазанов обычно «вытапывали» с собакой или большой группой охотников, заставляя их подниматься в воздух. После этого снимался колпачок, надетый на голову ловчей птицы. Увидя добычу, хищник взмывал в воздух. Фазан старался скрыться в зарослях и затаиться у земли. Если растительность была сравнительно редкой, то

острые когти хищника непременно достигали своей жертвы. Если же до фазана невозможно было добраться, ястреб взлетал на ближайшее дерево и всматривался, ожидая появления птицы. Как правило, в этом случае поднять фазана на крыло было невозможно, и при наличии собаки участь затаившейся жертвы была решена.

Численность фазанов в Маньчжурии была огромной. Однако количество птиц резко колебалось по годам, что было обусловлено урожаем зерновых, характером протекания весен, сроками наступления наводнений в периоды муссонных дождей и количеством выпадавшего снега. В конце 30-х годов численность фазанов стала резко сокращаться вследствие систематического сбора яиц и широко распространившегося хищнического добывания птиц, в том числе с помощью отравленных приманок.

Продажа фазанов давала крестьянам стабильный добавочный заработок. Обычно недельную добычу относили к лавочнику-скупщику; как правило, она попадала за бесценок в цепкие руки купца в счет неумещающегося долга. Существовала целая система искусственного занижения закупочных цен при приеме фазанов от крестьян, прежде всего от крестьян-должников. По кабальным условиям долговых обязательств должник обязан был покупать все необходимое у своего «благодетеля» и ему же продавать свою продукцию. Случаи продажи на сторону, как правило, вскоре становились известными, и купец тут же применял меры, приводившие порой к окончательному разорению крестьянина. Причин же попасть в долговую кабалу было множество: весенняя засуха, летние наводнения, падеж кормилицы-лошади и, конечно, низкие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию.

Скупочные цены на фазанов снижались также вследствие разделения между скупщиками «сфер влияния»; каждый из них действовал в своем районе и не имел здесь конкурентов. Крестьянин мог сбыть фазанов только определенному лицу. И, конечно, скупщик, жалуясь то на низкие цены на рынке, то на якобы понесенные им убытки от выбракованных фазанов, старался платить гроши.

А выбракованных фазанов действительно бывало много. В первую очередь за счет «манипуляций» со стороны добытчиков: искусственное увеличение веса фазанов за счет накачивания замораживаемой птицы водой, подшивания оторванных давилками голов и «ремонта» переломанных орудиями лова ног. Неудивительно, что, используя это обстоятельство, скупщики еще больше понижали расценки на замороженную дичь.

Экспорт фазанов был выгодным делом. В городах и крупных поселках Северо-Восточного Китая существовала целая сеть перекупщиков и иностранных представительств, занимавшихся выколачиванием из Маньчжурии пушнины, дичи, лекарственного сырья животного и растительного происхождения, сельскохозяйственных продуктов и прочих даров природы.

Основная масса добытых фазанов перерабатывалась в Харбине. Птицы тщательно сортировались, подбирались по парам (курочка и петушок) так, чтобы общий вес их был не ниже 2 кг 300 г. Их аккуратно обертывали упаковочной бумагой, укладывали в фирменные ящики по 12 пар в каждый и хранили в холодильниках до начала экспортного сезона.

По официальным данным таможен в Европу, Америку и Австралию на рефрижераторных судах экспортировалось от 595 тыс. штук фазанов (в зимний период 1936—1937 гг.) до 341 тыс. штук (в сезон 1938—1939 гг.) Кроме того, огромное количество дичи, не поддающееся учету, поступало на внутренний рынок Маньчжурии. Можно предположить, что общая численность добываемых фазанов превышала 1 млн. штук в год; 97—98% их добывалось описанными выше способами.